

российский фонд помощи

Прорвемся

Лев Амбиндер

руководитель Российского фонда помощи

На днях я встретил человека, который искренне удивился «все еще существованию фонда». То есть лично я не стал удивляться этому регулярно. По крайней мере, раз в месяц. И вот уже третий год. Но то — как подобные итоги откликов на последние публикации, как сданы в «Коммерсанть» или «Домовой» очередную подборку писем отмашься ночь перед их выходом в свет («А ну как никто не откликнется?») — так сразу устраивает начинающую удивляться: звонят же! Что же до нашего читателя, то его точно ничем не удивишь. Он воспринимает эти публикации как само собой разумеющееся. Более того, он еще почитает и наставляет. Например: «Давно пора было лучшей газете деловых кругов России поднять тему благотворительности», — подчеркнула супруга выговаривала недавно один из вас. За что ему отдельное спасибо (а за «лучшую газету» пустяк благодарят мои коллеги-журналисты). А другой читатель, сотрудник банка и постоянный подписчик «Б», отправил 10 тыс. рублей четырьмя белоголовиками, благословив нас нижеупомянутым: «Пишите и вперед историю современности, загубленной бездарными правителями».

Очень трудно удивить нашего человека. Зато поражена была до глубины душа московская корреспондентка «Ассошиэйтед пресс». Юдит Инграм. Она готовила статью о благотворительности в России, пришла к нам и долго смотрела мне в глаза, увидев в компьютере: 345,6 тыс. рублей. Столько послано авторам после выхода последней страницы фонда («Б» от 21 октября 1998 г.). В частности, Валентина Лир в Алтайский край отправлено 6450 рублей — на две операции сыну Саше. (У малчика детский церебральный паралич и требуется четыре операции, так что к этой исто-

рии мы еще обязательно вернемся). Семьи переселенцев Голоцаповых в Челябинск ушло 1750 рублей. Однократной безработной маме четырех ребятишек Тае Выборовой в Архангельскую область отправлено четыре вещевых посылки и 1050 рублей. И дети Зои Журавлевой в Туле теперь добродушно обуты и одеты (семь вещевых посылок), а ее маленькому Алече полностью (12 050 рублей) профинансировано лечение. (Из отклика Журавлевой: «Нас завалили вещами! В эту субботу отнесем часть в Дом милосердия. Пусть и другим станут хорошо. Помоемо, вы сами не знаете, какие славные читатели у вашей скромной и подтянутой газеты. Столько добрых людей мне звонят в эти дни!») Пятилетнему Рому калужанину Марии Моруковой в этом месяце прооперируют в Институте им. Бакулева — ему приобретен кардиостимулятор (\$5146). Без ногий инвалид Николай Бабичев (помните: сам и травы накосил, и дров на колят?) теперь сможет подрабатывать в пенсии: ему в Томскую область отправлен компьютер «Пентиум-200» с цветным принтером (\$1000). \$10 000 потрачены на лекарства для брянского Вовы Разгонова, больного гемофилией. И еще мы очные ради за солдата чеченской войны Сергея Аксенова из Челябинской области: московский филиал одной немецкой фирмы приступил к изготовлению эксклюзивного (DM4689) протеза ноги для парня.

Помогли: Анна Михайлова с дочерью, Олег, Федор, Галия, две Маринки, Павел, Катя, Николай, Татьяна Владимировна, Дмитрий, две Елены, Елена Васильевна, Александр, пенсионерка Клавдия Петровна с соседями, Елена Владимировна, Элеонора, Лидия Николаевна, Виктор, Ольга Александровна, Сергей Крылов, Александр и Алла Валовы, две Наташи, Сергей Александрович (все — Москва), Римма из Омска, Ирина, Ольга, Светлана и Марина из Питера. Спасибо, друзья!

Больше всего Юдит Инграм занимали два обстоятельства. Почему тот самый средний класс, которому 17 августа «приказали долго жить», все еще не только жив, но и помогает выжить другим? И второй: отчего практически все помогают анонимно? «В Америке если человек построит здание из благотворительности, то непременно присвоит ему свое имя. Что я было ответить? Я честно сказал: не знаю. Да, 345,6 тыс. рублей — это и впрямь самое крупное (если тут вообще имеются сравнения) показатель за любой из 27 месяцев существования фонда. Да, похоже на «взрывы». А вот дальше: зачем? откуда? — полный туман. Что до анонимности... Не берусь судить обо всех, но для многих, уверен, такое участие в чужой судьбе — это внутренняя потребность. То есть дело сугубо личное. Такое не выставляют напоказ.

Юдит раскрывала тему профессионально, я оценил. Она искала объяснение «взрывы» даже в прошлом благотворительном опыте нашей страны. И в традициях. Например, в опытах советским. Но там ничего искать, там — пустота. Потому что считалось, что тогда никто не нуждался. Хотя были и многодетные бедствующие в бараках семьи, и заброшенные одинокие старушки с пенсиями в два червонца, и уж никак не менее острых, чем темперы, потребности в хирургических операциях «за бугром». Но главный и единственным творителем всегда считалось государство. Разве что опыт Красного Креста? Да, всех нас — от школьников до пенсионеров — систематически обирали общественники. Но на что и куда уходили те рубли? Да никого это и не интересовало...

А традиции? Вот этого сколько угодно. Государственное равнодушие к сырьем и убогим у нас тщательно лелеется по сию пору. Но говорить об этом с американской как-то не хотелось. В делах признания у нас сегодня только министры быстро сменяются. Все остальное по-прежнему бездарно непроработано. Возьмите ту же историю с протезом для солдата Сергея Аксенова. Признательное отчество подарило ему аж два. И оба бесполезны — ни один не удалось закрепить. Да из языка не поворачивается назвать «подарки» бесплатными. Аксенов-то с лихвой заплатил по счету! Еще в Чечне. Но и то верно, что Родине «подарки» дались тоже не задаром. А на наши с вами налоговые отчисления. Так не разумней ли было отдать деньги той московско-немецкой фирме? Хотя бы в качестве первого взноса? Кстати, белой Аксенову заинтересовались пятеро читателей. Но ни один не задался вопросом: зачем производить бесполезное, что, как известно, вредно? Рискну предположить: не спросили, потому что не привыкли рассчитывать на государство. Привыкли наоборот: не брать государство в расчет. Теперь пусть оно на нас рассчитывает.

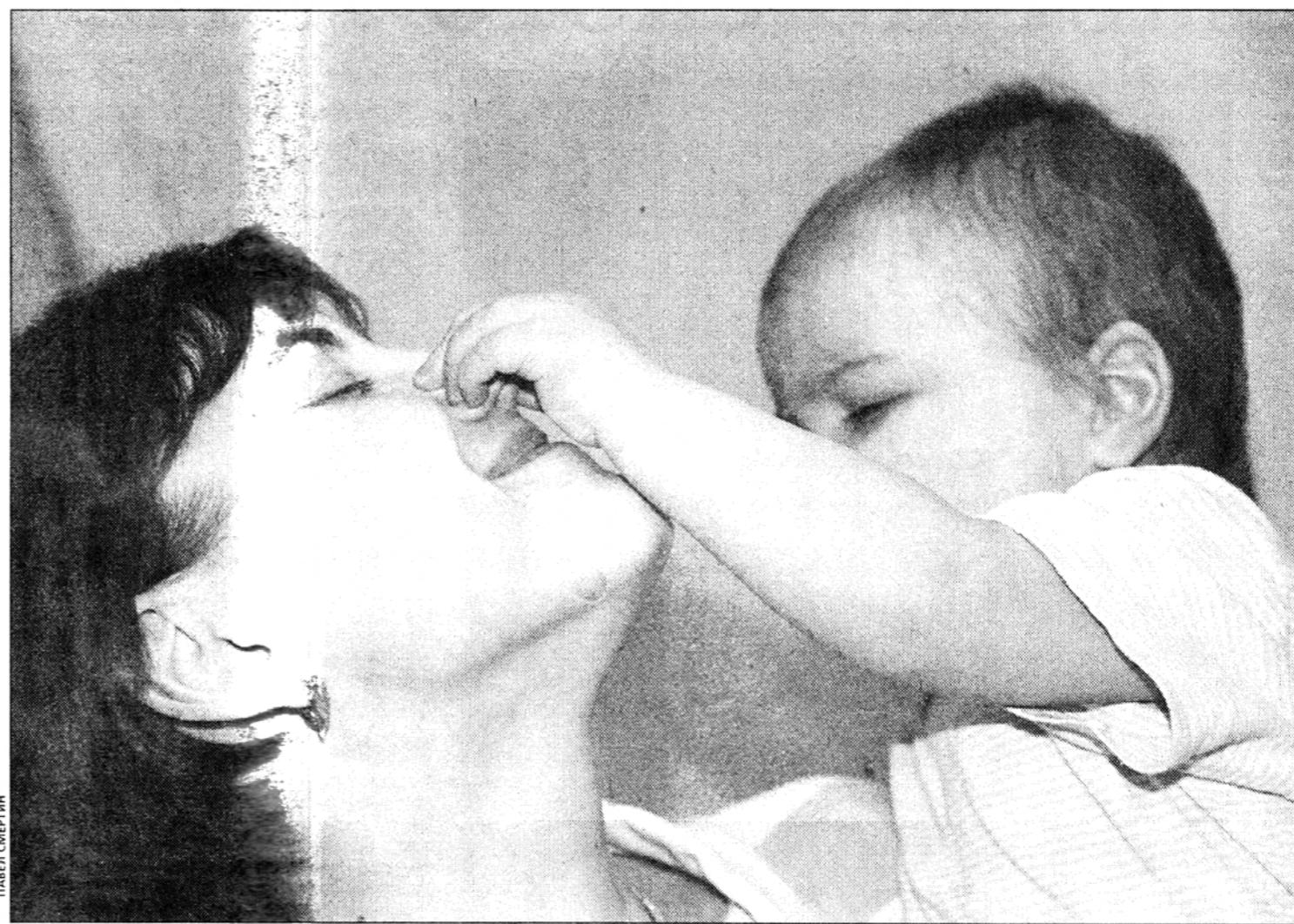
Российский фонд помощи

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи, стоит пояснить: Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми им помочь. Фонд получает письма-просьбы и после тщательной проверки публикует их в газете «Коммерсанть» и журнале «Домовой». А вы звоните в фонд, получаете адрес авторов писем и дальше действуете самостоятельно.

Адрес фонда: 125252, Москва, а/я 50, Российский фонд помощи. Телефон: (095) 956-71-87. Факс: (095) 956-22-09. E-mail: rfp@kommersant.ru

Двухлетний Антошка будет жить

Его спасли хирурги и читатели газет

Через год после уникальной операции Антоша Калиничев превратился в нормального забияку

— Он такой умница, — говорит Катя. — Он жив. А жить для нас сейчас главное. Двухлетнему Катиному сыну Антошке Калиничеву год назад сделали операцию. Первую в России неродственную пересадку костного мозга. Иначе Антошка бы уже умер. Денег на операцию понадобилось очень много. Большую их часть через Российский фонд помощи подарила Антошке женщина, у которой погиб ребенок. У нее были деньги на трансплантацию, но операцию сделать просто не успели. И вот, пожелав остаться неизвестной, эта женщина отдала деньги чужому ребенку, и теперь Антошка жив. Еще в НИИ детской гематологии ждет такой же операции Лиза Ильина 13 лет. Для нее тоже сейчас главное — жить. Но без денег никто не может ей помочь. Даже специальность родившийся, чтобы спаси ее, младший брат.

Что-то с кровью

В 1995 году у Кати Калиничевой из города Брянска заболела шестимесячная дочь. Высокая температура, желтуха. Брянские врачи девочку чуть-чуть подлечили и направили в Москву в НИИ гематологии. Сказали, что-то с кровью.

Когда Катя с дочкой приехали в Республикаскую детскую больницу на Ленинском проспекте, тамошние врачи опаснились про кровь подтвердили, но диагноз поставить не смогли. Больная была залечена, симптомы смазаны. Так Катя и вернулась в Брянск. «Что-то с кровью.»

А через нескользко дней Катиной дочки опять стало плохо, температура подскочила, и девочка умерла.

В НИИ гематологии охранники особенно вежливы и гардеробщика улыбаются кроткой любы. Они не знают, что я журналист. Они думают, что я пришел напасть на малыша. История повторилась, только на этот раз Катя пришла напасть смертельно больного ребенка.

Каждый год двум-трети сотни детей по всей России мечтые врачи не могут помочь ничем. Вздыхают, мол, что-то с кровью, и направляют в НИИ гематологии.

— Четыре года назад, — говорит руководитель гематологического центра Алексей Масчан, — такие дети умирали все. Всегда. Теперь их можно вылечить. Но только если сделать пересадку костного мозга.

— Кто кроме вас, — спрашиваю я Масчана, — может спасти их?

— Кроме нас, — отвечает Масчан, — никто.

На лекарства, необходимые для одного ребенка, требуется в среднем \$15 000. Поэтому Масчан спасает 20, 40, 60 детей за год.

— А остальные? — спрашиваю я.

— Умирают. — Масчан тянет паузу. — Еще можно продержать их несколько лет на лекарствах. Пока родители не найдут денег.

Костный мозг в человеческом организме отвечает за кровообращение и иммунитет. Сначала при помощи сильных лекарств врачи убивают большой лекарством. Они убывают костный мозг во всем организме ребенка. На несколько месяцев малыш становится тяжелым инвалидом. Он болеет такими болезнями, о которых мы даже не слышали, болезнями, которые нормального человека не приводят в страшном сне. Потом на самом пороге смерти ребенку в вену вводят костный мозг донора. Доноры находятся, веществом, взятым из его костей, само находят пути и само возвращают человека к жизни.

Об удачной операции врачи говорят «прошла без особенности», потому что без осложнений таких операций не бывает.

Десятки тысяч долларов уходят на покупку лекарств, которые должны убить больной костный мозг, и лекарств, которые должны довольно долго удерживать ребенка на пороге смерти.

А добная женщина из больничной церкви Косямы и Дамиана сказала Кате: «Ты верь, не можешь быть, чтобы у такой милой ряжей девочки, как ты, Бог забрал ее как раз.

Катя стала верить, но верить было трудно. Сначала ни один из Антошинских родственников не подошел мальчику в качестве донора. Потом Кате показали список медикаментов, необходимых для операции. Под списком стояла цена — \$50 000. Пятьдесят тысяч долларов. Тут Катя подумала, что вряд ли на всей земле найдется человек, способный ценить жизнь ее сына так дорого. Сама Катя \$50 000 никогда не видела и не представляла, нужен для них целый чемодан или они помещаются в постовом конверте.

Катя стала верить, но верить было трудно. Сначала ни один из Антошинских родственников не подошел мальчику в качестве донора. Потом Кате показали список медикаментов, необходимых для операции. Под списком стояла цена — \$50 000. Пятьдесят тысяч долларов. Тут Катя подумала, что вряд ли на всей земле найдется человек, способный ценить жизнь ее сына так дорого. Сама Катя \$50 000 никогда не видела и не представляла, нужен для них целый чемодан или они помещаются в постовом конверте.

История повторяется

После смерти дочери Катя Калиничева больше детей рожать не хотела. Боялась. Но потом вместе с мужем все-таки пошли к генетику, и генетик их обнадежил. Он сказал, что новый ребенок родится здоровым. Так 28 октября 1996 года родился Антошка. А через шесть месяцев у Антоши поднялась температура и появился симптомы желтухи. История повторилась, только на этот раз Катя уже заранее знала, чем такие истории кончаются.

Она снова потащила ребенка к врачам в Брянске. Врачи сказали «что-то с кровью» и снова направили в Москву. Катя ехала как на расстрел.

— Я не хотела даже привыкнуть к Антошке, — говорит она. — Я не хотела его любить. Знала, что потерю.

Катя не хотела даже привыкнуть к Антошке, — говорит она. — Я не хотела его любить. Знала, что потерю.

Катя стала верить, но верить было трудно. Сначала ни один из Антошинских родственников не подошел мальчику в качестве донора. Потом Кате показали список медикаментов, необходимых для операции. Под списком стояла цена — \$50 000. Пятьдесят тысяч долларов. Тут Катя подумала, что вряд ли на всей земле найдется человек, способный ценить жизнь ее сына так дорого. Сама Катя \$50 000 никогда не видела и не представляла, нужен для них целый чемодан или они помещаются в постовом конверте.

Катя стала верить, но верить было трудно. Сначала ни один из Антошинских родственников не подошел мальчику в качестве донора. Потом Кате показали список медикаментов, необходимых для операции. Под списком стояла цена — \$50 000. Пятьдесят тысяч долларов. Тут Катя подумала, что вряд ли на всей земле найдется человек, способный ценить жизнь ее сына так дорого. Сама Катя \$50 000 никогда не видела и не представляла, нужен для них целый чемодан или они помещаются в постовом конверте.

Катя стала верить, но верить было трудно. Сначала ни один из Антошинских родственников не подошел мальчику в качестве донора. Потом Кате показали список медикаментов, необходимых для операции. Под списком стояла цена — \$50 000. Пятьдесят тысяч долларов. Тут Катя подумала, что вряд ли на всей земле найдется человек, способный ценить жизнь ее сына так дорого. Сама Катя \$50 000 никогда не видела и не представляла, нужен для них целый чемодан или они помещаются в постовом конверте.

Катя стала верить, но верить было трудно. Сначала ни один из Антошинских родственников не подошел мальчику в качестве донора. Потом Кате показали список медикаментов, необходимых для операции. Под списком стояла цена — \$50 000. Пятьдесят тысяч долларов. Тут Катя подумала, что вряд ли на всей земле найдется человек, способный ценить жизнь ее сына так дорого. Сама Катя \$50 000 никогда не видела и не представляла, нужен для них целый чемодан или они помещаются в постовом конверте.

Катя стала верить, но верить было трудно. Сначала ни один из Антошинских родственников не подошел мальчику в качестве донора. Потом Кате показали список медикаментов, необходимых для операции. Под списком стояла цена — \$50 000. Пятьдесят тысяч долларов. Тут Катя подумала, что вряд ли на всей земле найдется человек, способный ценить жизнь ее сына так дорого. Сама Катя \$50 000 никогда не видела и не представляла, нужен для них целый чемодан или они помещаются в постовом конверте.

Катя стала верить, но верить было трудно. Сначала ни один из Антошинских родственников не подошел мальчику в качестве донора. Потом Кате показали список медикаментов, необходимых для операции. Под списком стояла цена — \$50 000. Пятьдесят тысяч долларов. Тут Катя подумала, что вряд ли на всей земле найдется человек, способный ценить жизнь ее сына так дорого. Сама Катя \$50 000 никогда не видела и не представляла, нужен для них целый чемодан или они помещаются в постовом конверте.

Катя стала верить, но верить было трудно. Сначала ни один из Антошинских родственников не подошел мальчику в качестве донора. Потом Кате показали список медикаментов, необходимых для операции. Под списком стояла цена — \$50 000. Пятьдесят тысяч долларов. Тут Катя подумала, что вряд ли на всей земле найдется человек, способный ценить жизнь ее сына так дорого. Сама Катя \$50 000 никогда не видела и не представляла, нужен для них целый чемодан или они помещаются в постовом конверте.

Катя стала верить, но верить было трудно. Сначала ни один из Антошинских родственников не подошел мальчику в качестве донора. Потом Кате показали список медикаментов, необходимых для операции. Под списком стояла цена — \$50 000. Пятьдесят тысяч долларов. Тут Катя подумала, что вряд ли на всей земле найдется человек, способный ценить жизнь ее сына так дорого. Сама Катя \$50 000 никогда не видела и не представляла, нужен для них целый чемодан или они помещаются в постовом конверте.

Катя стала верить, но верить было трудно. Сначала ни один из Антошинских родственников не подошел мальчику в качестве донора. Потом Кате показали список медикаментов, необходимых для операции. Под списком стояла цена — \$50 000. Пятьдесят тысяч долларов. Тут Катя подумала, что вряд ли на всей земле найдется человек, способный ценить жизнь ее сына так дорого. Сама Катя \$50 000 никогда не видела и не представляла, нужен для них целый чемодан или они помещаются в постовом конверте.

Катя стала верить, но верить было трудно. Сначала ни один из Антошинских родственников не подошел мальчику в качестве донора. Потом Кате показали список медикаментов, необходимых для операции. Под списком стояла цена — \$50 000. Пятьдесят тысяч долларов. Тут Катя подумала, что вряд ли на всей земле найдется человек, способный ценить жизнь ее сына так дорого. Сама Катя \$50 000 никогда не видела и не представляла, нужен для них целый чемодан или они помещаются в постовом конверте.

Катя стала верить, но верить было трудно. Сначала ни один из Антошинских родственников не